

Трагедия российского меньшевизма. Размышляя над прочитанным*

В 2002 г. вышла в свет книга С.В.Тютюкина

«~~Демократизм~~ — страницы истории».

Станислав Васильевич Тютюкин — главный редактор журнала «Отечественная история» и один из ведущих сотрудников Института российской истории РАН — давно держит в поле своего научного зрения деятельность российских меньшевиков. Читателям известна его последняя монография об одном из основоположников российской социал-демократии — Георгии Валентиновиче Плеханове [2], статьи в сборниках, посвященных деятельности политических партий России в предоктябрьский период [3]. Их отличает объективность анализа, взвешенность оценок, способность по-новому взглянуть на лица и события, отмеченные печатью стереотипов, сложившихся во времена официальной советской историографии. Все это относится и к новой монографии, которую можно назвать, без всякого преувеличения, добротным учебником и по истории меньшевизма, и по истории России соответствующего периода.

Книга вышла как никогда кстати. В 2003 г. будет с разных точек зрения и с разных позиций осмысливаться столетие II съезда Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) — съезда, на котором в 1903 г. фактически и была создана партия российской социал-демократии (на первый съезд, проходивший в 1898 году в Минске, удалось нелегально пробраться всего 9 делегатам) [4]. На II съезде, проходившем сначала в Брюсселе, а затем перебравшемся в Лондон, Партия приняла программу и устав и тут же раскололась — на большевиков (у которых, кстати, на съезде вовсе не было большинства (28 голосов против, 22 голоса в пользу резолюции Мартова [1, с. 58] и на меньшевиков. Даль-

нейшее известно. Большевики взяли курс на создание подпольной организации, опираясь на которую они, в конце концов, свергли... нет, не царизм, а демократическое Временное правительство, и затем принялись за строительство социализма, который на деле оказался тоталитарным баракком с социалистической вывеской. А что касается меньшевиков, то они тоже от революционной тактики не отказывались, но полагали, что революция должна была как бы «созреть» в процессе развития общественных отношений — примерно так, как это полагал Маркс, или, точнее, как полагали его менее догматичные интерпретаторы. Итог известен, меньшевиков, которые играли одну из решающих ролей в ходе Февральской демократической революции, после Октябрьского переворота 1917 г. сначала отодвинули в сторону, а несколько позднее либо выкинули за границу, либо отправили в лагерь ГУЛАГа. О какой-либо подпольной работе меньшевиков в годы сталинского режима не могло быть и речи. За рубежом меньшевики-эмигранты приступили к изданию «Социалистического вестника» (он выходил до 1963 г.), писали книги, спорили между собой, прежде всего по вопросу, может ли большевистский режим переродиться в либеральный, и в конце концов состарились и тихо покинули этот бранный мир, оставив после себя различного рода материалы и слабые надежды на возможность возрождения демократии в России. Но, так или иначе, и большевики, и меньшевики по-разному и с разным результатом сыграли определяющую роль в истории страны в XX веке. Взяв в руки книгу С.В.Тютюкина, читатель вправе задаться вопросом — была ли социал-демократия неизбежным явлением, почему она раскололась, и какой из всего этого можно сделать вывод?

Ответ на первую часть этого вопроса у С.В.Тютюкина таков: «Совершенно очевидно, что марксизм пришел к нам вместе с индустриальной цивилизацией, и что точно так же, как невозможно было поставить заслон капитализму, нельзя было уберечь Россию от социал-демократической «заразы», хотя по меркам XX столетия царское правительство действительно проявляло в этом плане большой либерализм, слишком мягко наказывая адептов марксистского учения.

Столь же неизбежен был и происшедший летом 1903 г. раскол РСДРП на две фракции, превратившиеся затем после тщетных попыток восстановления партийного единства в две самостоятельные партии» [1, с. 534].

Как серьезный ученый, С.В.Тютюкин начинает анализ меньшевизма с выявления его сути. Он называет при этом десять признаков, которые были в тот период «присущи русскому марксиз-

* Статья была впервые опубликована в сборнике Социал-демократия сегодня — Вып. 2. — М.: ИНИОН, 2003. — С. 168–191.

му». Они имеют принципиальное значение и по этой причине заслуживают того, чтобы их полностью привести.

- Повышенный интерес к абстрактному теоретизированию, что объяснялось, видимо, традиционным отставанием общественной практики, скованной самодержавным режимом;

- стремление так или иначе синтезировать идеи марксизма и русскую революционную традицию XIX в. с присущим им культом радикализма и сверхцентрализованной подпольной организации;

- признание абсолютной необходимости применения революционного насилия и установления диктатуры пролетариата как высшей формы классовой борьбы, порожденное резкой социально-политической поляризацией российского общества, мощью военно-полицейского аппарата царизма и сравнительно небольшим удельным весом пролетарских элементов;

- переоценка роли радикальной интеллигенции в общественно-политической жизни вообще и в революционном движении в частности;

- крайняя нетерпимость к инакомыслию, в том числе, и даже особенно, к инакомыслию в рамках собственно марксистской парадигмы:

- желание предельно ускорить революционный процесс за счет его субъективного фактора, способного якобы компенсировать незрелость объективных предпосылок революции;

- признание приоритета в российских условиях вертикальных общественных связей над горизонтальными — государства над гражданским обществом, партии над классом, «массы» над личностью;

- особое внимание к проблеме взаимоотношений пролетариата с его потенциальными партнерами на общественно-политической арене, прежде всего с крестьянством, с одной стороны, и либеральной буржуазией — с другой, и постановка вопроса о гегемонии пролетариата в освободительном движении, что было совершенно не характерно для партий II Интернационала;

- особая чувствительность к проявлениям интернациональной солидарности трудящихся как внутри страны, так и на международной арене, примат интернационального фактора над национально-патриотическим;

- неприязнь к социал-реформизму как показатель марксистской ортодоксии и своеобразная реакция на ярко выраженную консервативную политику царского правительства и ограниченность российского либерализма» [1, с. 41].

Тютюкин полагает, что одни из этих перечисленных характе-

ристический «русского марксизма» были более типичны для большевиков, другие — для меньшевиков.

Читатель, разумеется, хотел бы побольше узнать об особенностях меньшевизма как такового, и он, знакомясь с книгой, получает ответ на это, прежде всего уяснив для себя на основе выводов автора следующее. Во-первых, меньшевизм был различным в разные периоды истории — до 1905 г. и после него, в период промышленного подъема (1909–1914 гг.) и в годы Первой мировой войны, в период Октябрьского переворота и после него. Во-вторых, внутри самого меньшевизма существовали различные направления, находившиеся в острой идейной борьбе друг с другом. Последнее, на мой взгляд, и было одной из главных причин поражения меньшевизма в ходе Октябрьского переворота 1917 г.

Но об этом ниже. Прежде всего, обратим внимание на проблему, которую С.В.Тютюкин неоднократно затрагивает в своей книге. Это — об отношении тогдашней социал-демократии к тогдашнему российскому либерализму. Вот как на эту тему высказывается автор книги: «Налицо было и известное идейное родство российских марксистов и либеральной ветви освободительного движения в России, ориентированной на ценности буржуазного прогресса и демократии как альтернативы феодально-крепостническому порядку и абсолютистскому режиму. Особенно ярко это продемонстрировал так называемый «легальный марксизм» 1890-х гг., идеологи которого во главе с П.Б.Струве объявляли себя сторонниками экономической теории Маркса, всячески затушевывая при этом революционную сторону марксизма» [1, с. 33]. Однако идти на союз не хотели ни социал-демократы, ни либералы, подчеркивает Тютюкин. Первым это казалось изменой социализму, вторых пугали революционность марксистов и тот факт, что меньшевики с 1906 г. вновь состояли в одной партии с экстремистами-большевиками.

Обращая внимание читателей на дискуссию, которая возникла в редакции газеты «Искра» в 1901 г. в связи с обсуждением статьи Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма», Тютюкин замечает, что в очередной раз всплыл «вечный», прошедший «через всю историю российской социал-демократии вопрос об отношении пролетариата и РСДРП к либерализму» [1, с. 47]. В другом месте автор приходит к следующему выводу: «Внешне второстепенные разногласия по вопросу об отношении к либералам в действительности уже содержали в зародыше две принципиально различные тактические установки, за которыми стояли серьезные различия в стратегии большевиков и меньшевиков в будущей демократической революции» [1, с. 61].

Тютюкин описывает ряд черт, присущих сторонникам меньшевизма, предупреждая при этом: «Голье социологические схемы, которыми часто оперировала советская историография, в данном случае неприменимы» [1, с. 69]. Он исходит из того, что сама российская действительность того времени не давала укорениться в рабочей среде реформистским тенденциям, подталкивая пролетариат к силовым методам борьбы. Только в период промышленного подъема 1909–1914 гг. тенденция к легализму и реформизму получила в рабочем движении России более отчетливое выражение.

В противовес прежним схемам, согласно которым социальной базой меньшевизма была «мелкобуржуазная интеллигенция» и «рабочая аристократия», Тютюкин выдвигает на первый план социально-психологические различия между меньшевиками и большевиками.

Итак, кто же такой «средний» меньшевик? «Меньшевик-интеллигент — это достаточно образованная и социально активная личность, умеющая трезво взвешивать все «за» и «против» того или иного решения, не стремящаяся упростить действительность и свести ее к какому-то «черно-белому» изображению. Радикализм меньшевика находится в пределах здравого смысла, он избегает чрезмерного риска и предпочитает использовать легальные средства борьбы, хотя не отказывается от нелегальных. Меньшевик не любит, чтобы им командовали, чрезвычайно ценит личную свободу и свободу мнений... Меньшевик, как правило, не приемлет формулу «цель оправдывает средства», брезглив к аморальным поступкам, заботится о своей личной и фракционной репутации» [1, с. 69–70].

В книге подробно описываются перипетии борьбы между меньшевиками и большевиками после II съезда, выделяются инициативы меньшевиков по созданию подлинно рабочей партии, раскрывается отношение меньшевиков к вооруженному восстанию в Москве 1905 г., описывается деятельность меньшевиков в годы промышленного подъема и в период Первой мировой войны.

Наибольший интерес, на наш взгляд, вызывают те главы книги, где анализируется открывшаяся перед меньшевиками возможность реально воздействовать на политические события в России после Февральской демократической революции 1917 г. Как известно, революция свалилась на социал-демократов, впрочем как и на другие политические силы России, как снег на голову. Ленин в Цюрихе, выступая перед молодыми социалистами фактически в канун революции, говорил об отдаленных временах,

когда, возможно, им доведется быть свидетелями революционных событий. Лишь 31 марта 1917 г. в Петроград прибыл Г.В.Плеханов, 3 апреля В.И.Ленин, и только 9 мая — Ю.О.Мартов. Так что тем руководителям меньшевиков, которые к тому времени находились в Петрограде, пришлось действовать, как принято ныне говорить, «по обстановке». А обстановка складывалась непростая. С одной стороны, было сформировано Временное правительство — как представительный орган Государственной Думы, с другой — Советы рабочих депутатов. Меньшевики сразу же принялись за дело и, прежде всего добившись избрания, заняли руководящие позиции в Советах. Более того, именно они явочным порядком в самый разгар восстания формировали Временный исполком Петроградского Совета рабочих депутатов. С участием членов думской фракции РСДРП и только что выпущенных из тюрьмы «Кресты» членов рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, созданного в годы Первой мировой войны. В него вошли (запомним их имена!) Николай Чхеидзе — журналист, ставший политиком, инженер Матвей Скобелев, рабочий Кузьма Гвоздев, Борис Богданов и другие. На первом же пленарном заседании Петроградского Совета 27 февраля председателем был избран Николай Чхеидзе, как пишет автор, «самый известный и авторитетный из находившихся тогда в столице социал-демократов, который уже долго время был на виду у рабочих» [1, с. 321]. Товарищами председателя были избраны руководитель «трудовиков» Александр Керенский и меньшевик Матвей Скобелев.

Во главе продовольственной комиссии Совета, решавшей тогда важнейшие в тот момент вопросы снабжения населения столицы продуктами питания, тоже встали меньшевики: земский статистик В.Г.Громан и И.Д.Волков. Военную комиссию возглавили эсеры, но в ее состав вошли также меньшевики Чхеидзе и Скобелев. Была создана и литературная комиссия, ведавшая изданием газет и листовок. В нее вошел меньшевик К.С.Гриневич. Уже в начале марта 1917 г. было создано еще несколько комиссий. Комиссию по возобновлению работы предприятий после февральских забастовок возглавил Гвоздев, канцелярию совета — Богданов, комиссию законодательных предположений — Громан.

Была создана контактная комиссия по связям с Временным правительством. В ее работе приняли участие Чхеидзе и Скобелев. Вывод автора: «Таким образом, меньшевики сразу же переиграли в организационном отношении большевиков, захватив в свои руки все руководящие посты в Петросовете» [1, с. 332]. Мне представляется, что при этом меньшевики в первую очередь ру-

ководствовались соображениями дела, а не просто тем, чтобы «обставить» большевиков.

Тютюкин полагает, что идейная гегемония меньшевиков в Советах продолжалась до осени 1917 г. При этом именно весну 1917 г. он считает «звездным часом меньшевиков» [1, с. 324].

Но почему после такого энергичного начала меньшевики продержались только до осени 1917 г.? Проследим деятельность меньшевиков по книге С.В.Тютюкина. Меньшевики заняли руководящие позиции не только в Петрограде. Они оказались во главе Советов в других городах: в Москве (Л.М.Хинчук), в Тифлисе (Н.Н.Жордания), в Самаре (И.И.Рамишвили), в Екатеринославе (рабочий П.Орлов) и т.д.

Но вот перед меньшевиками встала проблема, — как относиться к Временному правительству? Игнорировать его или поддерживать? Как обеспечивать дальнейшее развитие демократического процесса? Вместе с представителями других социальных групп, и прежде всего с предпринимателями. Или идти на создание чисто рабоче-крестьянской власти?

Обстоятельства складывались следующим образом. Уже в ходе восстания 27 февраля 1917 г. был образован Временный комитет Государственной Думы, взявший на себя формирование нового правительства. Н.С.Чхеидзе был включен в его состав как председатель социал-демократической фракции Думы. Правительство было поручено формировать князю Г.Е.Львову, и он пригласил войти в его состав Чхеидзе (пост министра труда) и Керенского (пост министра юстиции). Что в такой ситуации было делать? Петросовет был против участия членов социалистических партий в этом правительстве (13 голосов «против», включая голос Чхеидзе, и только 7 голосов «за»). Керенский игнорировал это решение, Чхеидзе — подчинился. Правильным ли было это решение? Меньшевик Ираклий Церетели — одна из ключевых фигур в процессе Февральской революции — позднее писал в этой связи: «История вряд ли знает другой такой пример, когда политические партии, получив так много доверия со стороны подавляющего большинства населения, высказывали бы так мало склонности стать у власти, как это было в Февральской революции с русской социалистической партией» [цит. по: 1, с. 325].

Мнение Тютюкина: «Что же касается коалиционной власти социалистов и буржуазных партий, то она выглядела в тот момент слишком одиозной и была тоже отвергнута меньшевиками» [1, с. 326]. Он ссылается на статью в одном из первых номеров меньшевистской «Рабочей газеты» от 12 марта 1917 г., в которой говорилось: «В государстве, где огромному большинству насе-

ния еще лишь предстоит превратиться из «верноподданных» обывателей в свободных граждан, где быстрое развитие буржуазии и капитализма еще впереди, пролетариат не может и не должен стремиться к власти. Бороться с ним (Временным правительством. — С.Т.) в самом начале его деятельности, выражать ему на каждом шагу недоверие, а особенно добиваться стать у власти вместо него, значило бы разбить силы русской революции, значило бы играть на руку не добытым еще силам мрачного прошлого. Временное правительство есть правительство революции и отвечает тому уровню развития, на котором стоит Россия» [цит. по: 1, с. 325].

За участие во Временном правительстве стояли и такие видные представители меньшевиков, как Александр Потресов и Федор Дан. В принципе, этой же линии придерживался и Г.В.Плеханов, возвратившийся в Петроград 31 марта. На совещании представителей провинции и фронта с членами Петросовета 3 апреля он председательствовал в течение шести часов и закрыл его краткой речью, в которой предостерегал от гражданской войны и особенно от конфликтов между армией и народом.

Кстати, на этом совещании была утверждена меньшевистская программа по рабочему вопросу, а также 11 резолюций, в том числе о 8-часовом рабочем дне, минимуме заработной платы, профсоюзах, примирительных палатах, инспекции труда, социальном страховании, обеспечении безработных. Одним словом, это была конкретная работа, направленная на решение кардинальных проблем, в которых было заинтересовано трудящееся население.

В ходе этой работы сформировалась группа меньшевистских деятелей, нацеленных на конструктивную работу с Временным правительством: Чхеидзе, Потресов, Церетели, Дан.

Но вот 3 апреля в Петроград приезжает Ленин и 4 апреля в присутствии ста социал-демократов различных направлений выдвигает свои Апрельские тезисы: никакой поддержки Временному правительству, власть — Советам, рабочий контроль над производством и распределением. Реакция зала? «Речь Ленина вызвала град насмешек и резких оценок со стороны его противников, увидевших в ней призыв к гражданской войне, «бред» (А.А.Богданов), анархизм и т.д. В ответ большевики покинули заседание» [1, с. 337].

Апрельские события разворачиваются дальше, и в ночь с 20 на 21 апреля князь Львов на совместном заседании Временного правительства и Исполкома Петросовета заявляет о готовности подать в отставку, если коалиционное правительство не будет сформировано.

22 апреля собралась на заседание фракция меньшевиков Петросовета, чтобы решать, как поступить в ответ на требование князя Львова. Состоялось голосование. 51 человек проголосовал за пополнение Временного правительства представителями Петросовета — при 6 против и 9 воздержавшихся. Глядя из сегодняшнего дня, можно сказать, что это был серьезный шаг в сторону от двоевластия, которое в принципе создавало неразрешимую ситуацию.

Но не было сказано окончательное слово самим Петросоветом. 30 апреля Исполком Петросовета посетила делегация офицеров Петроградского военного округа и убедительно просила войти в коалицию. Оказывается, и военные были за политический компромисс! Окончательное голосование состоялось 2 мая. По предложению меньшевиков Церетели, Дана, эсера В.Н.Филиппова и трудовика А.Ф.Керенского 44 члена Исполкома проголосовали «за», против 19 (большевики, меньшевики-интернационалисты и 4 эсера) [1, с. 343].

Наконец, 5 мая 1917 г. было сформировано коалиционное правительство. Социалисты получили шесть министерских портфелей, представители буржуазных партий — 10. Меньшевик Ираклий Церетели стал министром почт и телеграфа, Матвей Скобелев — министром труда. Таким образом, появилась возможность коалиционного сотрудничества социалистов и либералов, что открывало совершенно новые перспективы для политического развития России в направлении к представительной демократии.

Но 9 мая в Петроград из эмиграции возвратились Юлий Мартов, Павел Аксельрод и другие, и сценарий поведения меньшевиков начинает меняться. Между основной частью меньшевиков и группой Мартова возникли серьезные разногласия уже в ходе Первой мировой войны, когда одни выступали за поддержку собственного правительства (к этой группе примыкал и Г.В.Плеханов), а другие (их возглавлял Ю.О.Мартов) — за немедленное прекращение войны и заключение всеобщего мира. Теперь к этим разногласиям добавилось и разное отношение к участию меньшевиков во Временном правительстве. Сразу же по приезде Мартов назвал решение войти во Временное правительство «глупостью» и взял курс на создание правительства, состоящего из представителей только социалистических партий. В стратегическом плане линия Мартова как бы соприкасалась с линией Ленина, хотя, как выяснилось позже (а точнее — уже слишком поздно), у того и другого были принципиально разные представления о характере такого правительства, характере и направленности его деятельности.

Юлий Осипович Мартов — одна из самых ярких личностей в истории российской социал-демократии и вообще в политической жизни России первой четверти XX в. Человек кристальной честности, талантливый публицист и оратор, все свои силы отдававший делу трудящихся, как он его понимал, однако в вопросе о том, с кем надо было вступать в коалицию, в те критические дни и месяцы, на мой взгляд, сыграл не самую лучшую роль. Нам фактически заново открыл личность Мартова И.Х.Урилов в своей основательной работе о нем [5]. Увлеченность автора своим героем понятна. Но, как ныне принято говорить, что было, то было. И ход развития дальнейших событий показал, что ориентация на сближение с большевиками в надежде их «цивилизовать» оказалась ошибочной, что, впрочем, мог предвидеть и сам Мартов, почувствовав у молодого Ульянова невероятное честолюбие и нацеленность на достижение успеха любой ценой уже на II съезде РСДРП.

Посмотрим, как дальше развивались события.

3 июня 1917 г. наконец-то состоялся I Всероссийский съезд Советов, который продолжался целых три недели. На нем присутствовало 1090 делегатов от 305 Советов. Как видим, система Советов охватила почти всю страну. Но вот как на съезде были представлены различные политические силы: социалисты-революционеры — 285 делегатов, меньшевики — 248, большевики — 105, социал-демократы центристской ориентации — 83. На долю меньшевиков вместе с сочувствующими приходилось почти 400 голосов, примерно одна четверть была у сторонников Мартова [1, с. 360].

На съезде был избран Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов. Председателем ВЦИКа был избран Чхеидзе. Из 300 членов ВЦИКа было 104 меньшевика и 35 большевиков. Запомним эти цифры, когда перейдем к анализу последующих событий. Но прежде отметим, что именно на этом съезде, в ответ на замечание Церетели, что в России нет такой партии, которая могла бы взять власть в свои руки, Ленин прямо из зала крикнул, что такая партия есть и что она готова в любой момент взять власть целиком.

И это не были пустые слова. Большевики готовились к реальному захвату власти, и первым актом их сценария были выступления в ходе демонстраций 3 и 4 июля, участники которых вышли с лозунгами «Долой десять министров-капиталистов» и «Вся власть Советам». Практически это была попытка совершить путч, и власти отреагировали на нее соответственно. Руководители большевиков Ленин и Зиновьев бежали в знаменитый шалаш

на станции Разлив, а Временное правительство стало выяснять, кто стоит за всем этим.

Примечательна реакция авторитетных деятелей социал-демократии. Г.В.Плеханов осудил путч. Церетели и Дан потребовали принять решительные меры против путчистов. Но вот Ю.О.Мартов фактически встал на прямую защиту Ленина, отрицая возможность шпионажа Ленина в пользу германского Генштаба (позже не кто иной, как Эдуард Бернштейн, сообщил, сколько денег получил большевик номер 1 и его сообщники от германских властей — 50 млн. золотых марок) [1, с. 373].

8 июля 1917 г., после отставки князя Львова, Временное правительство возглавил А.Ф.Керенский. Теперь в нем был полный баланс социалистических и буржуазных партий: пять на пять министерских постов. В этом правительстве Ираклий Церетели в дополнение к своему посту министра почт и телеграфа получил еще пост управляющего Министерством внутренних дел. Это означало, что на него ложилась необходимость проводить непопулярные меры после июльских событий в Петрограде. Вот как оценивает его позицию Тютюкин: «С одной стороны, это был акт гражданского мужества, свидетельствовавший о том, что главный меньшевистский идеолог коалиции, не прячась за спины других, буквально спасал эту коалицию на одном из самых ответственных в то время участков внутренней политики. С другой — принятые Церетели антидемократические решения ложились темным пятном на всю меньшевистскую партию, и это имело для нее очень тяжелые политические последствия» (1, с. 370). Все это чем-то напоминало похожую ситуацию в Германии, когда после Ноябрьской революции 1918 г. коммунисты вывели на улицу своих сторонников, чтобы дестабилизировать обстановку и взять в руки власть, а член социал-демократического правительства Носке принял решение о разгоне политическими силами демонстрантов, что повлекло за собой и человеческие жертвы. За это он получил прозвище, навсегда оставшееся за ним в истории Германии, «кровавая собака Носке». Но какими иными средствами мог он в тот конкретный момент предотвратить путч? Это же касается и Ираклия Церетели. 11 июля 1917 г. он опубликовал объявление о предании суду всех виновников событий 3–5 июля, о запрете в Петрограде всяких уличных шествий и сборищ и о применении военной силы против тех, кто призывает к насилию и мятежу. Были ли другие средства, чтобы предотвратить нарастающий хаос?

А между тем спустя месяц, в начале августа 1917 г. большевики (РСДРП(б)), провели свой VI съезд, и в его адрес от имени

меньшевиков-интернационалистов направили приветствие Ю.О.Мартов и И.С.Астров, в котором выразили «глубокое возмущение против клеветнической кампании, которая целое течение в русской социал-демократии стремится представить агентом германского правительства» [1, с. 377].

Раскол между меньшевиками углублялся, на общегородской конференции меньшевиков 5–6 августа в Петрограде резолюция Мартова о текущем моменте собрала 57 голосов против 47, а в избранный на конференции новый состав руководства вошли только меньшевики-интернационалисты. В резолюции было записано, что революционная демократия «должна готовиться к созданию такого правительства, которое способно было бы немедленно приступить к осуществлению революционной программы внутренних реформ, не останавливаясь перед разрывом с кадетами...» [1, с. 377].

Через десять дней была предпринята фактически последняя попытка продолжить российскую политику на основе коалиционного единения различных политических сил, стоящих на почве демократии. С 12 по 15 августа в Москве в Большом театре собралась почти вся политическая, деловая, военная, церковная и интеллектуальная элита страны: две с половиной тысячи человек. Здесь были министры Временного правительства, бывшие председатели II–IV Государственных Дум, председатель ВЦИК Советов Чхеидзе, верхушка генералитета, известные ученые, ветераны революционного движения, Г.В.Плеханов, П.А.Кропоткин, Е.К.Брешко-Брешковская, Г.А.Лопатин, Н.А.Морозов.

Позиция Мартова в этой связи была такова: он считал, что совещание созывается неизвестно зачем, будет в значительной степени состоять из контрреволюционеров, и предлагал проигнорировать его [1, с. 379].

Но у меньшевиков — сторонников коалиции — была другая точка зрения. Они приняли участие в этом совещании и откликнулись на него документом «Программа 14 августа», которую разработал Федор Дан. В ней предлагались конкретные меры в разных областях, ведущие к стабилизации обстановки. На совещании в Большом театре выступил и Г.В.Плеханов, который призывал рабочих и промышленников к взаимным уступкам или, говоря сегодняшним языком, к социальному партнерству. Если нам не удастся добиться соглашения, подчеркивал Плеханов, погибнет вся страна.

Буквально через неделю, точнее 19 августа 1917 г., открылся съезд меньшевиков. Как пишет Тютюкин, «делегаты довольно отчетливо делились на несколько групп. Большинство составляли сторонники Церетели–Дана... На крайне левом фланге стояли

две группы, большинство членов которых вскоре после съезда перешло к большевикам, и интернационалисты... Наконец, на правом фланге стояли оборонцы-провинциалы и петроградская группа Потресова. Что касается Плеханова, то его на съезд даже не приглашали» [1, с. 385].

В своем докладе на съезде Церетели повторил тезис «о кадетско-социалистической коалиции как оптимальной комбинации общественных сил в целях коренного переустройства России на демократических началах» [1, с. 386].

Потресов в своем докладе полемизировал с Мартовым, полагая, что буржуазия остается прогрессивной общественной силой, жизненно необходимой новой России для того, чтобы избежать надвигающейся катастрофы. Пролетариат, по убеждению Потресова, должен был решать хозяйственные и оборонные задачи вместе с буржуазией, ибо эти два класса при капитализме друг от друга неотделимы [1, с. 387].

В проекте резолюции, представленной Мартовым, напротив, заострялся вопрос о необходимости разрыва коалиции с буржуазией, но вместе с тем содержалось предупреждение об опасности преждевременного захвата власти силами демократии [1, с. 388].

Предполагаемого объединения на съезде не получилось. Церетели бросил в адрес Мартова и его сторонников такой упрек: «Если сторонники Мартова считают, что их точка зрения единственно верная, тогда нужно разойтись и не оставаться в одной скорлупе, чтобы грызть друг другу горло в атмосфере нависшей над страной катастрофы буквоедскими поправками» [1, с. 393].

Как отмечает Тютюкин, съезд не решил задач, которые перед ним стояли. Партия меньшевиков — РСДРП(объединенная) — которая тогда окончательно отделилась от большевиков, оставалась в стадии полураспада.

Тем временем Россию ожидало новое испытание. Верховный главнокомандующий генерал Л.Г.Корнилов 27 августа двинул на Петроград войска с целью, как было заявлено, спасти страну от состояния анархии. Над завоеваниями Февральской революции нависла угроза. В этой обстановке, пишет Тютюкин, «меньшевики «в отличие от многих других случаев, действовали быстро и решительно» [1, с. 399]. Поражение Корнилова (31 августа 1917 г.) стало результатом объединенных действий демократических сил. 1 сентября 1917 г. Россия была провозглашена республикой. Вот какую дату надо было бы отмечать, чтобы люди знали свою историю!

При этом встал вопрос о судьбе коалиции. За нее по-прежнему стоял Церетели. Он был убежден, что именно Временное пра-

вительство, а не Советы, после июльских дней олицетворяло реальную власть в стране. Его поддерживали Скобелев, Потресов, Либер. Сторонники Потресова 5 сентября утвердили текст воззвания к гражданам России с заголовком «Вне коалиции — нет спасения» [1, с. 402].

14 сентября 1917 г. в Петрограде открылось демократическое совещание без участия «цензовых элементов» и несоциалистических партий. Иными словами, без представителей социальных групп, обобщенно характеризующихся как буржуазия. На совещании вновь разгорелся спор о том, в каком составе должно быть правительство России, способное решать проблемы в условиях продолжавшейся войны. Было оглашено письмо руководителя группы «Единство» Плеханова (по болезни он не мог присутствовать на совещании) в поддержку коалиции с кадетами. Поддержку коалиции с «цензовыми элементами» предложил Дан. Мартов, естественно, был против. Оценка С.В.Тютюкина: «Демократическое совещание зашло в тупик, так как в конечном счете оказалось, что оно отвергает и коалицию с кадетами, и коалицию без кадетов, но самой власти не берет и лозунг «Вся власть Советам!» не поддерживает. При этом сторонники и противники коалиции разделились примерно поровну» [1, с. 408]. Как сказали бы сегодня люди, далекие от политкорректности, налицо был полный «раздрай».

Не спасало положения и создание по решению Демократического совещания Временного демократического совета Российской республики. Он состоял из 300 человек, от меньшевиков в него вошли сторонники всех направлений — от Потресова, Церетели, Чхеидзе, Дана до Мартова. Предпарламент, как его окрестили, также погряз в бесплодных дискуссиях, при этом сторонники Мартова окрестили его «ублюдочно-совещательным органом». Так или иначе, перед Октябрьским переворотом в стане левых партий произошел окончательный раскол. Тютюкин пишет в этой связи: «В октябре большевики и левые эсеры, с одной стороны, и меньшевики и правые эсеры — с другой, оказались уже в разных политических лагерях, причем примирение между ними было практически невозможно» [1, с. 414]. Заметим, что при таком раскладе несколько особняком выглядит позиция сторонников Мартова.

Вывод Тютюкина: «Октябрьские события 1917 г. явились тщательной спланированной большевистско-левоэсеровской акцией, успех которой был обеспечен поддержкой значительной части народа и облегчен бездействием Временного правительства и неспособностью меньшевиков и правых эсеров предложить реальную альтернативу большевизму» [Там же].

Как вело себя в этой обстановке руководство меньшевиков? 25 октября 1917 г. открылся II Всероссийский съезд Советов. К этому времени большевики уже разогнали предпарламент, арестовали членов Временного правительства. Керенский бежал из Петрограда, чтобы попытаться собрать силы для устранения Октябрьского переворота. В эти часы фракция РСДРП (объединенная) Петросовета сложила с себя всякую ответственность за гибельные последствия большевистского переворота и с согласия ЦК меньшевиков вышла из состава руководящих органов Совета. Чхеидзе — председателя ВЦИКа — не было на съезде, он выехал в Грузию. Съезд открыл член президиума ВЦИК Федор Дан. Он отказался от вступительной речи, сославшись на экстраординарный характер обстановки, когда министры-социалисты находятся под обстрелом. Меньшевики и эсеры отказались также от участия в президиуме съезда, места в котором тут же заняли большевики и левые эсеры.

На съезде выступил Мартов. Он сразу же отмежевался от «авантюры большевиков» и предложил провести переговоры между всеми социалистическими партиями и организациями и до их окончания приостановить с обеих сторон всякие вооруженные действия [1, с. 418].

Между тем, в эти часы большевики продолжали действовать. Матросы и красногвардейцы приступили к захвату Зимнего дворца. На съезде снова выступает Мартов и снова предлагает временно прекратить заседание и приступить к переговорам, предупредив, что в противном случае меньшевики-интернационалисты тоже откажутся от участия в работе съезда. «При этом, — отмечает Тютюкин, — ни о каких контактах с Временным правительством у Мартова, в отличие от выступавших ранее правых меньшевиков и эсеров, речи не было» [Там же].

Последовала ответная реакция большевиков. На трибуне Троцкий. Вот его слова. Их стоит запомнить: «Тем, кто ушел отсюда и кто выступает с предложениями, мы должны сказать: «Вы — жалкие единицы, вы — банкроты, ваша роль сыграна, и отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории» [Там же]. Делегаты ответили Троцкому овацией, а Мартов покинул съезд, хотя часть меньшевиков-интернационалистов во главе с Капелинским вернулась в зал.

Тютюкин полагает, что уход меньшевиков со II съезда Советов был ошибкой, их вхождение во власть могло бы «смягчить» еще не вполне упрочившуюся диктатуру большевиков. Но чуть ниже добавляет: «Надо было совершенно не знать Ленина и его сторонников, чтобы предположить, что такой шаг, как уход оппо-

нентов со съезда Советов, может остановить их безудержное движение к намеченной цели» [1, с. 420].

Уже после Октябрьского переворота 1917 г. меньшевики все еще пытаются как-то утвердить себя в политической жизни Советской России, и это прежде всего касается Мартова и его единомышленников, исходивших из того, что если за Лениным и большевиками идет простой народ, то на его стороне историческая правда. Но подлинной природы большевиков Мартов, в отличие от Потресова, так и не раскусил, и это обернулось трагической агонией и для него, и для всей партии меньшевиков. На XI съезде РКП(б) в 1922 г. Ленин уже призывал к массовым репрессиям против меньшевиков: «За публичное доказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды» [6]. В конце 1922 г. в Германию были высланы 25 видных деятелей меньшевистской партии. В декабре 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) вынесло решение «удалить меньшевиков из всех государственных, профессиональных и кооперативных учреждений». И наконец, в 1931 г. был инсценирован показательный процесс мифического Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков) [1, с. 520].

Таким образом, с меньшевизмом в СССР было покончено «окончательно и бесповоротно», как любили записывать в своих решениях большевики.

Достоинство книги С.В.Тютюкина заключается в том, что как объективный ученый он последовательно ведет читателя по сложным зигзагам истории меньшевизма, вовсе при этом не стараясь занять ту или иную сторону — восхваления или излишней критики. Иногда приводимые им факты и обстоятельства как бы противоречат друг другу, но они отображают суть противоречий самой жизни, которую трудно втиснуть в однолинейную схему, удобную для восприятия, но не позволяющую воссоздать всю сложность исторического процесса, у которого нет и сценария, нет и дирижера, если не считать таковым «Божий промысел».

В книге присутствуют суждения, не соответствующие некоторым сложившимся в недавние времена стереотипам. Так, по мнению Тютюкина, наиболее обеспеченная часть рабочего класса России не была адекватна «рабочей аристократии», сложившейся в европейских странах и поддерживавшей социал-демократию. В России обеспеченная часть рабочих поддерживала скорее чернотенство [1, с. 535].

Еще более неожиданный вывод связан с ролью Г.В.Плеханова. Принято считать, что он и есть наиболее значительная фигура меньшевизма. Между тем, Тютюкин показывает, что на протя-

жении всей истории российской социал-демократии бывший липецкий дворянин занимал свою особую, самостоятельную позицию. Это особенно проявилось в ходе Февральской демократической революции, когда Плеханов не примкнул к меньшевикам, создал собственную организацию «Единство», стоял на последовательно оборонческих позициях и предостерегал от поспешных действий. Как пишет Тютюкин, после Октябрьского переворота «Плеханов, который организационно уже порвал в то время с меньшевиками, но оставался для них одним из духовных авторитетов, не принял и осудил большевистский переворот, разъяснил в открытом письме петроградским рабочим его возможные пагубные последствия» [1, с. 433]. Вместе с тем в ответ на предложение Бориса Савинкова войти в новое правительство на смену новоиспеченному ленинскому Совнаркому Плеханов сказал, что он сорок лет отдал служению российскому пролетариату и не будет его расстреливать, даже если рабочие по ошибке пошли 25 октября за большевиками.

Отсюда можно сделать вывод, что Плеханов принадлежит всей российской социал-демократии, являясь одной из главных ее фигур. Таковым он остается по сей день. Не случайно осенью 2002 г. в России был создан Фонд Плеханова, призванный содействовать распространению идей гуманизма и социализма в его последовательно демократической интерпретации.

Работа С.В.Тютюкина помогла подойти к ответу на вопрос, который по сей день был лично для меня неясным. Речь идет о выборах в Учредительное собрание и его результатах. По результатам этих выборов за меньшевиков проголосовало всего 3,15% избирателей, тогда как за эсеров — 39,5%, а за большевиков — 22,5% [1, с. 467]. Чем объяснить такой резкий спад буквально за пару месяцев? Ведь и в Советах, прежде всего в Петроградском, и на I и II Всероссийских съездах Советов они располагали значительным влиянием, и вдруг на выборах совершенно иная картина. Но автор книги сообщает, что эти выборы прошли 12 ноября 1917 г., то есть через две с лишним недели после того, как большевики захватили власть. Могло ли в такой обстановке быть обеспечено демократическое волеизъявление граждан? Ведь хорошо известно, как проводились выборы в годы советской власти и какие давали результаты. Мне до сих пор не попадались опубликованные свидетельства очевидцев этих выборов, но зная ментальность большевиков, можно предполагать, что они к этим выборам были далеко не безучастны. Вопрос о результатах выборов в Учредительное собрание, на мой взгляд, требует дальнейшего прояснения, опирающегося на конкретные факты, а также на уже

проведенные исследования, из которых вытекает, что за резким снижением популярности меньшевиков стояли объективные причины.

Как мне представляется, нуждается в осмыслении один из главных в книге С.В.Тютюкина выводов о том, что у меньшевиков не было реальной альтернативы большевизму [1, с. 414]. Видимо, следует уточнить, что понимать под альтернативой. Конкретные шаги по решению проблем, стоящих перед страной, или лозунги, которые, быть может, у части населения и находили поддержку, но не имели практического значения? Между тем, как явствует из самой книги, именно меньшевики принимали участие в решении практических дел. Это и деятельность в военно-промышленных комитетах в годы Первой мировой войны, это и участие во всевозможных комиссиях Петроградского Совета рабочих депутатов, как только он был создан. Именно меньшевики участвовали в разработке экономических программ Временного правительства [7]. Их программа «14 августа», вынесенная на рассмотрение Государственного совещания, представляла собой совокупность мер в самых различных областях жизни и отличалась тем, что в ней была заложена концепция государственного регулирования экономики с привлечением частного капитала, что позднее взяли на вооружение большевики в своей Новой экономической политике. И уже после Октябрьского переворота меньшевики продолжали работать над экономическими программами, наивно полагая, что тем самым увлекут большевиков на путь созидательной деятельности.

Но у большевиков была своя программа. Вернее, не программа, а набор догм и лозунгов, которые Ленин чуть ли не переписал у Маркса, когда сидел в шалаше на станции Разлив вместе с Зиновьевым. Экономика как одна большая фабрика, прямой продуктообмен — все это было изложено в брошюре «Государство и революция» и представляло собой беспомощный лепет безответственного фантазера. Беда, однако, в том, что в виде концепции «военного коммунизма» большевики рьяно принялись претворять ее в жизнь, подведя страну к пропасти полнейшего краха. Именно это обстоятельство и вынудило Ленина «переменить всю точку зрения на социализм», а фактически признать, что без товарных рыночных отношений жизнь в России не наладить. Что и было сделано в политике НЭПа. С.В.Тютюкин сожалеет, что экономическая часть этой программы не была дополнена политической, то есть возможностью предоставить свободу другим политическим силам, полагая, что в таком случае появилась возможность «избежать сталинщины» [1, с. 548]. Но большевик, де-

лящий с кем-то власть, — это уже не большевик, и сам автор это неоднократно показывал в своей книге.

О событиях 1905 года. Было ли декабрьское вооруженное восстание 1905 г. в Москве революцией, или же, по мнению П.Б.Струве, это были всего лишь «бутафорские баррикады, вздвигнутые революционной интеллигенцией в союзе с терроризированными дворниками и увлеченными уличными мальчишками» (это слова воспроизводит в своей книге Тютюкин [1, с. 147]). На этот счет существуют разные мнения. Я не поленился и посмотрел, какая оценка дается этим событиям в одном из последних учебников истории СССР советского периода. Здесь сказано: «Это была первая в истории человечества буржуазно-демократическая революция, в которой роль гегемона сыграл пролетариат, действовавший в союзе с крестьянством» [8, с. 348]. Тютюкин дает свою оценку: «Уже Первая российская революция была демократической революцией совершенно нового исторического типа, ибо ведущую роль играл в ней рабочий класс и марксистская социал-демократическая партия» [1, с. 537]. Вопрос о революционном характере исторических событий сам по себе достаточно сложен и заслуживает отдельного рассмотрения.

Будем учитывать то обстоятельство, что один из главных социал-демократических авторитетов Г.В.Плеханов вообще полагал, что не надо было браться за оружие, и это накрепко усвоили в качестве отрицательного примера те, кто в свое время изучал краткий курс ВКП(б).

Вопрос тем более осложняется тем фактом, который Тютюкин приводит в своей книге. Оказывается, как раз в дни восстания, с 12 по 17 декабря 1905 года, большевики были заняты на конференции в Таммерфорсе, на которой вопрос о восстании даже не обсуждался [1, с. 147]. Так что же произошло на самом деле в Москве в декабрьские дни 1905 г., а тем более в других городах России? Окончательный ответ на этот вопрос оставим на рассмотрение будущих историков.

А в данной рецензии обратимся к главному выводу С.В.Тютюкина о сути меньшевизма. Вот его оценки в разных местах книги. «Именно в период нового революционного подъема (1909–1912 гг. — Б.О.) в рабочем движении России наиболее отчетливо проявилась реформистская тенденция западного образца» [1, с. 261]. В заключительной главе читаем: «Меньшевизм отражал менталитет более развитой и европеизированной части рабочего класса и ориентирующейся на Запад демократической интеллигенции, составлявших лишь незначительное меньшинство россиян того времени» [1, с. 546].

И еще один вывод: «Меньшевики — это очередное издание «русских европейцев» начала XX в., которые, «значительно интеллектуально обогнав основную массу населения своей страны... не получили поддержки собственного народа и в середине 1920-х гг. сошли с исторической дистанции» [1, с. 547].

С этими оценками можно согласиться, но лишь с одной оговоркой. Ссылка на «народ», который «не дорос» до представлений меньшевизма, несколько упрощает картину, как упрощает анализ примитивное марксистское противопоставление «буржуазии» «народу», бытовавшее до недавних пор в пропагандистских изданиях советского периода. Не было ни того, ни другого, а были различные социальные группы, действовавшие в конкретных исторических условиях и преследовавшие свои специфические интересы. То же самое можно сказать о революциях. По своей главной сути они представляли до сих пор прорыв к более свободным общественным отношениям, осуществляемый не арифметическим большинством «народа», а его наиболее зрелой в интеллектуальном отношении частью. Так было в революции 1789 г. во Франции, так было в революции 1848 г. в Германии. Октябрьская революция 1917 г. в этом смысле не только не освободила общество, но поставило его в особые отношения, именуемые кратким термином «тоталитаризм». Социал-демократы в их меньшевистской ипостаси ориентировались в основном на сознательные группы российского населения, старались содействовать росту этих групп и ставили перед собой задачу осуществлять социалистическое строительство в условиях реальной, а не вымышленной демократии. Большевики переиграли их прежде всего потому, что не стеснялись в выборе средств. Наобещав три короба беднейшим слоям населения, они потом погрузили их в жуткую обстановку «военного коммунизма» и гражданской войны, а позже раскулачивания и массовых репрессий. Кто от этого выиграл, какая часть народа? Самое печальное при этом, что меньшевики по своей природной воспитанности так и не смогли до конца осознать, что в лице большевиков имеют дело в основном с отъявленными шулерами. И это касается в первую очередь Ю.О.Мартова.

В этой связи еще одно соображение. Я уже имел возможность в свое время высказать, что в лице большевиков и меньшевиков мы имеем дело с представителями двух различных политических культур — конфронтационной и консенсусной [9]. Столкновение этих культур проходит через всю российскую историю. Оно особенно становилось актуальным в период развития рыночных отношений на рубеже XIX и XX веков, когда на повестку дня встал

вопрос — либо прогонять капиталиста, отбирая его имущество, либо договариваться с ним на основе партнерских отношений и, соответственно, в рамках согласительной, консенсусной культуры. Первый вариант устраивал большевиков, второй — меньшевиков. Отсюда их последовательная позиция в течение всех восьми месяцев Февральской революции — договариваться с предпринимательством на условиях, отвечающих также интересам наемных работников, находиться в политическом контакте с партией конституционных демократов. Этот сценарий стал подвергаться критике, когда из эмиграции вернулся Ю.О.Мартов. Личная трагедия этого яркого, честнейшего и талантливейшего человека, обернувшаяся трагедией для всего меньшевизма, заключается как раз в том, что он логикой своих действий склонялся к конфронтационной культуре большевиков, у которых к тому же не было никаких нравственных ограничителей.

Отдаю себе отчет в том, что рассказ о книге С.В.Тютюкина затянулся. Но уж больно много в ней исторических сюжетов, о которых нынешние читатели либо не имеют никакого представления, а если имеют, то в основном почерпнутое из изданий советского периода, а значит в основном — превратное. Однако никакая рецензия, пусть самая развернутая, самой книги не заменяет. Тем, кто хочет всерьез познакомиться с историей, природой российской социал-демократии, тому я советовал бы начинать именно с книги С.В.Тютюкина. Отныне мы можем считать, что деятельность российских меньшевиков на весь период их деятельности в России рассмотрена всесторонне и добротно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. — М.: РОССПЭН, 2002. — 560 с.
2. Тютюкин С.В. Судьба русского марксиста. — М.: РОССПЭН, 1997. — 376 с.
3. История политических партий России / Под ред. А.И.Зевелева. — М.: Высш. шк., 1994. — 447 с.
4. См. подробнее Орлов Б. Российская социал-демократия: история и современность (К 100-летию РСДРП). — М.: ИНИОН, 1998. — 55 с.
5. Урилов И.Х. Ю.О.Мартов. Политик и историк. — М.: Наука, 1997. — 472 с.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 89.
7. Подробнее см.: Шевырин В.М., Розенберг Л.И. Экономические взгляды российских социал-демократов (меньшевиков) //

Социальная демократия в России: Исторические аспекты. — М.: ИНИОН, 1994. — С. 72–77.

8. Краткая история СССР. — Л.: Наука, Ленингр. отд., 1978. — Ч. 1. — 455 с.

9. См.: Орлов Б.С. РСДРП в контексте политических культур // Исторический опыт взаимодействия российской и германской социал-демократии. К 100-летию РСДРП. — М.: РНИС и НП, 1998. — С. 216–222.

О 63 Орлов Б.С. Социал-демократия: история, теория, практика.

Работы 2000–2005 гг. / РАН ИНИОН. Центр науч. информ. исслед. глобал. и регионал. пробл. Отд. Западной Европы и Америки; Отв. ред. Т.Н.Мацонашвили. — М.: Собрание, 2005. — 712 с.

ISBN 5-9606-0012-9

В настоящий сборник вошли монографии, статьи, аналитические материалы, выступления, интервью и другие работы доктора исторических наук Бориса Сергеевича Орлова, одного из ведущих отечественных исследователей российского и международного социал-демократического движения, посвященные проблемам становления, развития и современного состояния социал-демократии и ее исследования.

Книга представляет интерес для научных работников, преподавателей вузов и школ, аспирантов и студентов, а также для всех интересующихся проблемами российской и европейской истории и социал-демократического движения.

ББК 66.02

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ

С.А.Стулова

КОРРЕКТОР

Н.Ю.Стронина

Подписано в печать 15.04.2005 г.

Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 44,5.

Уч.-изд. л. 44,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 232.

ООО «Издательство «Собрание»»

109559, Москва, Тихорецкий б-р, 1, стр. 5. Тел. (095) 389-68-88

Отпечатано в ИПП «Гриф и К»

300062, Тула, ул. Октябрьская, д. 81а